

осмысление будет способствовать устойчивому функционированию отечественных СМИ, других организаций, учреждений, фирм, обогатит теорию и практику менеджмента массовой коммуникации.

Литература

1. Варганова, Е. Л. Чем управляют менеджеры СМИ? О природе современного медиаменеджмента / Е. Л. Варганова // Экономика и менеджмент СМИ. Ежегодник 2005 / под ред. Е. Л. Варгановой. – М.: МедиаМир, 2006. – С. 7–13.
2. Нестеренко, Н. Контент-менеджмент / Н. Нестеренко, А. Шантарин. – М.: Солон-Пресс, 2014. – 256 с.
3. Щекина, И. А. Принципы и уровни контент-менеджмента в социальной сети / И. А. Щекина // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2016. – № 1 – С. 153–156.

Александр Лойко

*Белорусский национальный технический университет
(Беларусь)*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТВОРЧЕСТВА ЖУРНАЛИСТА В АТМОСФЕРЕ СЕТЕВОГО ПЛЮРАЛИЗМА, РАСТУЩИХ УГРОЗ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Журналистская деятельность в начале XXI ст. сопряжена с феноменом информационного пространства, в пределах которого действуют механизмы различных философских традиций. Под их влиянием имеют ождение различные интерпретации сетевого плюрализма.

Значение информационного сегмента в институциональной деятельности общества постоянно растет. Это обусловлено тем, что технологии визуализации формируют восприятие идентичности и формирующих ее ценностей под влиянием различных идеологических комбинаций, имеющих суммарный эффект критической неудовлетворенности и подозрительности к устоявшимся институциональным традициям. Вследствие этого информационные технологии стали разрушать структуры восприятия, выполняющие функцию базисного основания, формирующего устойчивую систему жизненного опыта, преемственности поколений [3, с. 140].

Но даже отдельные проявления этого мировосприятия в вопросах исторического прошлого, в частности событий, связанных с Великой Отечественной войной, свидетельствуют, насколько кризисное сознание

агрессивно в оценках и как оно легко жертвует историей ради популизма и собственного позиционирования. С оппонентами, аргументирующими свое поведение в виртуальном пространстве маркером свободы, трудно строить диалог, поскольку они знают, что все остальные понятия указывают на институциональную ответственность. При этом они не признают тот факт, что свобода подразумевает ответственность. Она обусловлена тем, что любая инициатива сопряжена с воздействием на мировосприятие других людей и неформальным распределением социальных ролей.

Техногенный образ жизни вытесняет из структур идентичности традиционную составляющую нравственного образа жизни, особенно на уровне повседневности. Возникает угроза нигилизма, социального анархизма, маргинализации общества. Она сигнализирует об ослаблении механизмов национальной идентичности. Недостаток конструктивных ресурсов у населения в этих условиях компенсируется ростом замкнутости, неприятия других субъектов социальной деятельности. На эти особенности слабеющей национальной идентичности на уровне массового сознания накладываются механизмы миграции, которые детерминируют мультикультурный национализм. На его основе формируется инфраструктура радикальных организаций, которая трансформирует коммуникативное пространство и делает его конфликтным. При рассмотрении соотношения модернизации и идентичности важно учитывать то, что модернизация часто ассоциируется с технологиями, дестабилизирующими национальную идентичность. Речь идет об идеологической компоненте вестернизированной модернизации, посредством которой в пространство национальной идентичности внедряются образцы социального поведения, духовной культуры, вытесняющие аутентичные ценности. Под предлогом демократизации подрывается политическая стабильность государств. Страны погружаются в состояние динамического хаоса, в границах которого действует стратегия аннигиляции протестных настроений их внутренним противостоянием. Подобные технологии очевидны в Египте, Сирии, Ираке, Афганистане, Пакистане. В таких условиях всегда существует возможность внешнего военного вмешательства с целью реализации геополитических интересов заинтересованных сторон. Идентичность может на этом основании дистанцироваться от модернизации.

Но если идентичность будет пребывать в немодернизирующемся социальном пространстве, то выиграет ли она от этого? Мы полагаем, что нет, поскольку внутренние диспропорции между демографическим ростом, занятостью, социальными программами, финансовой стабильно-

стью будут создавать противоречия, которые естественным путем могут разрешаться посредством миграции или посредством роста социальной напряженности. В том и другом случае слабее становится консолидирующая функция идентичности, межэтнической, межрелигиозной коммуникации. Могут возникать конфликты между общинами, племенами, религиозными общинами, что и происходит в африканских государствах, где безработица достигает более 50 %.

Поскольку модернизация задевает традиционные институты общества, то с их стороны довольно трудно получить согласие на перемены. Поэтому модернизация часто сводится к решению задач настоящего момента, после чего наступает длительный период адаптации идентичности к новой социальной реальности, в которой ее консервативные структуры находят свое место и даже могут модернизацию трансформировать в реконструкцию традиционных институтов общества. А это может быть связано с опасением, что в пространстве модернизации будут отсутствовать консенсус и механизмы сбалансированных интересов. Такие опасения закончились в Великобритании возвратом к конституционной монархии. Те религиозные общины, которые не видели своего места в этом консенсусе и, главное, их не видели в нем, были вынуждены мигрировать в Северную Америку. В России, где территория государства имела огромную незаселенную периферию окраинного типа, консерватизм центра создавал массовый отток населения в южные регионы и Сибирь. В результате не происходил пространственный разрыв национальной идентичности. Увеличивалось разнообразие ее носителей.

Как показывает опыт XX ст., универсальных сценариев модернизации на национальном уровне не существует. Связано это в первую очередь с особенностями национальной идентичности, которая детерминирует темпы модернизации, ее модель, институциональную основу реализации программ деятельности. Все эти особенности актуализируются социальной динамикой на уровне партикулярных структур.

Многие нации так и не смогли воспользоваться здоровыми аргументами, содержащимися в народной мудрости. Во многом это связано с тем, что большинство современных наций является продуктом техногенной цивилизации. Это молодые нации, сформировавшиеся за последние сто лет. В них процессы урбанизации доминируют по темпам над процессами национальной консолидации. Социальная атмосфера мегаполисов создала пространство монад, оторванное от ценностей коэволюции с аутентичной средой.

В этой среде коренится национальная идентичность как сохраняющее связь со здравым смыслом общественное сознание. Журналисту в подобной ситуации необходима методология четкой идентификации информации по критериям, указывающим на источник информации, а не на социальный заказ. Эта особенность наглядно проявилась в период президентских выборов в США. Крупные медийные компании были настроены на победу конкретного кандидата. В результате оторванности журналистов от эмпирической реальности был создан эффект неожиданной победы на выборах кандидата, в поражение которого было вложено столько сил. Это обстоятельство свидетельствует о том, что информационные войны стали фактом не только международной, но и внутренней политики.

В научной литературе активно обсуждаются вопросы, связанные с изменениями в информационном пространстве, принявшем вид сетевых структур. В них обнаруживается обширная тематика, касающаяся вопросов национальной безопасности [1]. В информационное пространство переместились многие действия, свойственные военным операциям. Это дало основание говорить о сетевых войнах [2]. Речь идет о том, что социальные сети делают доступным воздействие на индивидуальное сознание молодежной аудитории, находящееся под влиянием различных субкультур и контркультур технократического типа. В жертву глобальному пространству мировой паутины приносится нередко духовно-нравственная идентичность национальной культуры, на которой базируются ценностные структуры патриотизма.

Духовно-нравственная идентичность народа формируется исторически и имеет определенную историческую точку генезиса. Для русского мира такой исходной точкой стал 988 г., когда князь Владимир крестил Русь по восточному обряду. Православие стало пространством длительной нравственной эволюции русского народа. В этой эволюции важную роль сыграли Александр Невский и Сергей Радонежский. Семисотлетнее присутствие преподобного Сергия в духовной жизни народа отмечал в 2014 г. великий православный русский мир. Когда нравственность связывается непосредственно с религиозной жизнью человека, то у атеиста появляется аргумент сказать, что мораль к его образу жизни не применима. Но в случае идентичности речь идет не о теократической, а о культурной трактовке ценностей, фундированной традициями духовности и нравственности.

Применительно к русскому миру есть все основания говорить о духовности и нравственности в категориях патриотизма, любви к Отечеству.

Патриотизм, в отличие от других качеств русского человека, не зависит от внешних факторов социального воздействия. Бедствовавшие столетиями крестьяне в самые трудные времена посвящали свою жизнь Отечеству, как это сделал И. Сусанин. Недовольство социальной несправедливостью на фоне реальных угроз, происходивших из внешнего мира, уступало место ценностям любви к Отечеству. Русскому человеку не были значимы даже награды. Его удовлетворяло ощущение исполненного долга. Скромность и жертвенность всегда сочетаются с высокой нравственностью. Образ русского народа стал одним из центральных в российской литературе и музыке золотого века. Ф. Достоевского интересовала индивидуальная психология и ее роль в межличностном диалоге. Л. Толстой стремился не только литературными средствами показать глубины русской души, но и на практике освоить этот образ жизни.

С. Дягилев в Париже организовал уникальные концерты русских сезонов с тем, чтобы показать европейскому зрителю внутреннее богатство русского мира. Особую роль играла поэзия А. Пушкина, сквозь призму которой стали видны разнообразные персонажи, отражающие сущность российской культуры. В специальной работе нами показано, как в реализации проекта сотрудничали С. Дягилев и Л. Бакст [4]. Образ русского человека сохранил актуальность и в советской литературе и культуре благодаря А. Толстому и М. Шолохову.

Смена исторических эпох оказалась непростой для российского народа, но в ее границах он сохранил нравственность, приверженность ценностям. Это обстоятельство сыграло важную роль в начальный период Великой Отечественной войны, когда политическая элита оказалась не готовой к отражению вторжения немецко-фашистских оккупантов. Одним из первых формирующийся потенциал героизма советского народа наблюдал К. Симонов во время тяжелых сражений на московском направлении. Москва стала тем рубежом, дальше которого оккупантам пройти не удалось. Это была великая победа в условиях непрерывных поражений и неудач. В этих условиях важную роль играла культура, в частности кинематограф. Режиссерам удалось воспроизвести на экране образы рядовых солдат и матросов, танкистов, летчиков со свойственным им миром чувств, переживаний. Достаточно вспомнить образ солдата, созданный К. Паустовским. Л. Утесов, М. Бернес придали этому образу музыкальную направленность интереса к жизни.

В послевоенной отечественной литературе и кинематографе тема Великой Отечественной войны оставалась одной из центральных и плодотворных. Это было связано с тем, что искусство открыло огромное

богатство внутреннего мира русского человека. В этом мире существует четкая демаркация между справедливостью и несправедливостью, мужеством и предательством, ответственностью и безответственностью. Героизм складывается из множества действий, не всегда дающих представление о герое. Речь идет о массовом героизме советских солдат, особый статус которых стала символизировать могила неизвестного солдата. Важно, чтобы духовно-нравственная компонента идентичности русского человека осталась в пространстве современности.

В условиях третьей мировой сетевой войны акцент политических технологий антироссийской направленности сфокусирован на реализации программы разрыва поколений. В таких условиях легко манипулировать сознанием молодежи, вестернизировать ее образ жизни [2]. Но эти технологии не столь продуктивны, поскольку духовно-нравственная компонента русского человека имеет онтологическую основу в индивидуальном сознании. Поэтому любая угроза актуализирует механизм внутренней мобилизации национального сознания на решение задач, связанных с обеспечением суверенитета российского государства.

Литература

1. Войтеховский, А. В. Актуальные вопросы национальной безопасности: особенности обеспечения информационной безопасности в государстве и обществе / А. В. Войтеховский, Д. А. Чуйков // Социальное пространство Интернета. – Минск: Право и экономика, 2014. – С. 101–104.
2. Коровин, В. Третья мировая сетевая война / В. Коровин. – СПб.: Питер, 2014. – 165 с.
3. Лойко, А. И. Методология инновационной деятельности: философия техники и философская антропология / А. И. Лойко, Е. Б. Якимович. – Минск: БНТУ, 2010. – 147 с.
4. Лойко, А. И. Философия межкультурных отношений / А. И. Лойко, В. А. Семенюк, Л. Е. Лойко, В. Юйхун. – Минск: БНТУ, 2012. – 142 с.

Дзмітрый Нікановіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

(Беларусь)

СТРУКТУРНА-КАМПАЗІЦЫЙНЫ НАПРАМАК МЕНЕДЖМЕНТУ КАНТЭНТУ ДРУКАВАННЫХ СМІ

Кіруючы творчым рэдакцыйным працэсам, медыяменеджар друкаванага СМІ звычайна разам з журналістамі падбірае кантэнт, які будзе змешчаны ў нумары выдання. Ад прыняцця калегіяльнага рашэн-